

тия армянской диаспоры, требующий полнее учитывать как природу каждой национальной общности, так и те обстоятельства, в которых взаимодействуют этнокультурные сообщества. Данный принцип исключает вмешательство во внутренние дела армянской диаспоры, мелочную опеку, администрирование и в то же время требует всемерного содействия созданию благоприятных политических, социально-экономических условий интеграции всех национальных обществ в единую общероссийскую идентичность.

Примечания

1. Асвацагурова М.А., Савельев В.Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. Ростов н/Д; Пятигорск. 2000. С. 48.
2. Бархударьян В.Б. История армянской колонии новая Нахичевань. Ереван, 1996; Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов н/Д; М., 2011; Богданян А.М. Из прошлого (о переселении армян из Крыма на Дон). Краткий исторический очерк. Изд. 2-е. Ростов н/Д, 1989; Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону: В 6 т. Ростов н/Д, 1994; Смирнов В.В. Нахичевань-на-Дону. Этюды старой истории: время и люди. Ростов н/Д, 2010.
3. Бархударьян В.Б. Указ. соч. С. 518.
4. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. С. 39.
5. Тишков В.А. Российский народ. М., 2010. С. 17.
6. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат

«АРМЯНЕ ТАГАНРОГА» КАК ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЕКТ И ДОСУГОВАЯ ПРАКТИКА¹

Вопрос о наличии в России гражданского общества, так и не получивший своего внятного разъяснения, в последние годы все чаще рассматривается в плоскости проявлений самоорганизации населения. Гражданские инициативы, сопряженные с акциями политического протеста и самодеятельностью различных социальных групп, становятся опознавательными знаками способности российского общества к решению жизненно важных для него задач.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «История и политика на Северном Кавказе: проблемы и механизмы взаимодействия» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности». В рамках проводимого исследования, посвященного выявлению роли «фактора прошлого» в деятельности национально-культурных и общественных организаций Ростовской области, было опрошено посредством глубинных интервью и бесед в июне – ноябре 2011 г. 120 респондентов. Среди них – руководители, активисты армянских общин и армяне Ростова-на-Дону, Таганрога и Шахт. По согласованию с респондентами, материалы интервью используются анонимно. В квадратных скобках указываются город, где проводилось интервьюирование, возраст и пол респондентов.

Одной из них является удовлетворение потребностей этнических общностей в сохранении языка, истории и культурного наследия. Существующие на сегодняшний день официальные институции (национально-культурные автономии, общественные организации, культурно-исторические центры, дома национальностей) и каналы (фестивали и дни национальных культур) реализации такого рода потребностей не всегда оказываются способными к работе в «индивидуальном режиме». Позиционируя себя в качестве выразителей интересов той или иной диаспоры, они, как правило, придают им характер некоего глубоко выстраданного и монолитного единства, не допускающего этнически немаркированных отклонений.

Между тем, как свидетельствует опыт многих наших респондентов, их принципиальное неучастие в деятельности национальных объединений по большей своей части связано именно с *«непониманием руководством общин сути нынешних национальных проблем. Вот мы живем в Ростове, здесь помимо нас, армян, кого только нет. Мы хотим, чтобы не было межнациональных конфликтов. Но у себя (в общине. – Авторы) только и говорим о своих корнях, истории и великой культуре... Не правильно это как-то. Вы понимаете, то, что мы народ древний и много чего в истории наделали – не может не радовать, гордиться собою. А как быть с остальными? Этому там не учат. Я туда давно не хожу. Если что узнать надо, иду в библиотеку или к друзьям, они много всего знают»* [Ростов-на-Дону, 54 г., муж.]. Неудовлетворенность деятельностью национальных общин или невозможность реализации личных устремлений в условиях их отсутствия зачастую приводят к появлению интересных гражданских проектов, к которым с полным правом можно отнести молодежную общественную организацию «Армяне Таганрога».

Среди национально-культурных и общественных организаций города «Армяне Таганрога» занимают особое место. Особость эта сказывается как в «плавающей» численности участников и «рыхлой» структуре организации, так и побудительных мотивах возникновения. Ее история началась с появления в социальной сети группы с аналогичным названием, а изначальная цель ограничивалась простым желанием *«собрать своих»*: *«Эта группа уже довольно старая и как-то так была раньше, и опять же девушка знакомая была администратором, я помню, что состояла в этой группе. Потом ее удалили, по каким причинам, я так и не поняла, группа была, а потом исчезла. Когда я создавала эту группу, то не было идеи чтобы как-то спланировать, делать какую-то молодежную организацию, просто собрать своих, так как маленький город, чтобы знать своих, знакомиться, общаться, ходить на какие-то мероприятия, но опять же, каких-то углубленных понятий не было»* [Таганрог, 18 лет, жен.]. Однако по мере расширения активных пользователей, многие из которых практически ничего не знали об армянской культуре и истории, зародилась идея о проведении своими силами какого-нибудь мероприятия: *«Как раз*

это было накануне 24 апреля – Дня геноцида армянского народа... И вот решили и буквально за 2 недели собрались и подготовили, а далее уже задумались... » [Таганрог, 18 лет, жен.]. Причем приняли решение и задумались о возрождения существовавшей в городе с 1997 г. по 2006 г. армянской общины две девушки-единомышленницы, усилиями которых в марте 2011 г. и была создана молодежная организации.

Пытаясь выяснить, насколько успешным оказался этот институциональный проект «национального возрождения», и каково соотношение в нем личных и этнических устремлений его инициаторов, в октябре 2011 г. мы провели серию глубинных интервью и бесед с лидерами молодежной организации «Армяне Таганрога». Уже один из первых вопросов относительно длительности проживания в городе и степени «родства с Россией» показал несхожесть отправных траекторий их движения к общей цели. Обе уроженки Армении, в разном возрасте (12 и 1,5 лет) приехавшие в Таганрог и заставшие тогда еще действовавшую общину, увидели в ней разные, но в принципе не расходящиеся цели: обретения второго дома, новой исторической родины и живой памяти, властно напоминающей о своих истоках. «Да, конечно, есть историческая родина, которую я очень люблю. Есть дом, вторая родина и Россию я также считаю своей второй родиной, все-таки я здесь живу всю свою жизнь... Почему нельзя собираться все вместе? Даже живя вдали от родины, как-то чувствуется тяга к этому и хотя бы вокруг себя создать такую обстановку» [Таганрог, 18 лет, жен.]. «Я родилась в Армении, прожила там 12 лет. В 2001 г. приехала сюда, здесь продолжала учиться в школе, сейчас учусь заочно в университете. Всю сознательную жизнь провела в этом городе. Здесь друзья и школьные, и университетские и работа. Иногда начинаешь забывать, кто ты есть. А надо помнить... » [Таганрог, 22 года, жен.].

По признанию обоих респондентов, мысль о необходимости возрождения общины, с которой связывалось множество теплых воспоминаний, практически постоянно присутствовала в их «взрослой» жизни. Однако личный опыт сопричастности к ее деятельности оказался разным. «У нас существовала община, моя мама даже входила в ее состав. Она называлась “Найри”, там была воскресная школа, мы собирались, молодежь и дети, организовывали различные мероприятия, активно участвовали в этом. Далее она распалась, к сожалению, уехала женщина, которая ее возглавляла, и уже никто не стал этим заниматься. Ну, вот, в социальных сетях и по телевидению видно, что в крупных и малых городах есть свои диаспоры. Наша диаспора в Ростове и в Краснодаре большая. У нас же здесь, в Таганроге, диаспоры других национальностей, их много. Я думала: “Почему у нас распад, почему у нас не могут опять собраться и возродить ее, хотя бы попытаться?” В начале не позволял возраст, т.е. когда я об этом задумалась, но я еще училась в школе, и никто бы не прислушался ко мне, а далее, вот буквально в прошлом году решили... » [Таганрог, 18 лет, жен.]. «Когда мы

приехали, здесь была армянская община. Я тогда еще была маленькая, в школе училась, не очень интересовалась. Мы ходили на концерты, которые они организовывали, посещали ее мы, дети, как-то так. Тогда этим родители должны были заниматься, но они как-то особого интереса не проявляли... Честно сказать, что единственной нашей целью было возобновить общину» [Таганрог, 22 года, жен.].

Весьма показательным мотивом, подведшим респондентов к решению своими силами «объединить молодежь», стало бездействие взрослых и бесконечные разговоры в сети о том, что «надо собраться». По признанию одного из них, в какой-то момент стало «абсолютно ясно, что долгие разговоры ни к чему не приведут. Кому-то надо было за все это браться. Так получилось, что этими людьми оказались мы двое» [Таганрог, 18 лет, жен.]. Совместными силами собирались «представлять свою культуру, сохранять наши традиции и обычаи» и в то же время «вместе быть. Так-то через одного человека все знают друг друга, а так-то общности нет, как таковой, как есть в Ростове, Краснодаре. И мы хотели всех собрать в одном месте» [Таганрог, 22 года, жен.].

Однако принятое решение потребовало не только организационных усилий, но и выбора значимого события из истории и культуры армянского народа. Им по обоюдному признанию инициаторов стало 24 апреля: «В этот день мы отмечаем День геноцида, и мы хотели организовать какое-нибудь мероприятие к этому дню. Потому что в этот день для любого армянина... люди могут забыть про свой день рождения, скажем так, но не могут забыть про геноцид. Это наша боль, испокон веков передается, это у нас в крови» [Таганрог, 22 года, жен.]. По свидетельству наших респондентов, представления о геноциде как «месте памяти» армянского народа формируется в семье, где закладываются основы этнической идентичности человека. Именно там, «из семейных преданий, бережного отношения к своей истории, языку и культуре вырастает понимание того, что нас, армян, объединяет... Сейчас многие семьи это утратили. Поэтому память о нашей трагедии нас консолидирует» [Ростов-на-Дону, 51 год, муж.]. Показательно, что с памятью о геноциде один из респондентов связал и отличие «настоящих» армян от таковых по названию [Таганрог, 22 года, жен.].

Однако проведенное мероприятие, поддержанное городской администрацией, не стало акцией консолидации армянского населения Таганрога. Собрал по оценкам организаторов 60 чел., а по данным проведенной нами независимой экспертизе около 30 чел., оно, тем не менее, «для первого раза было на должном уровне... Зал был рассчитан на 90 человек, мы столько и пригласили. Получилось так, что пришло всего 60, но это не плохо, всем кто пришел, понравилось» [Таганрог, 22 года, жен.]. Среди присутствовавших оказались не только армяне, но и представители других народов. По словам организаторов, многие из них накануне проведения мероприятия говорили, что «хотят

посмотреть, что получится»: «Просто рассказали людям, и выяснилось, что многие из молодежи, которые пришли, они просто не знали об этом. Они об этом как-то, где-то слышали, но поверхностно. И вот, что нас очень приятно удивило. Им было интересно, они говорили спасибо, теперь, по крайней мере, мы хоть что-то знаем. Мы ничего особенного не делали, просто мы рассказали. Краткий исторический обзор был, и показали документальный фильм, ну вот в принципе и все...» [Таганрог, 18 лет, жен.].

В дальнейшем организация, которая так и не получила статуса юридического лица и после возрождения общины в декабре 2011 г. волилась в ее ряды, приняла активное участие в праздновании Дня города, отмечаемого 10–11 сентября: «10 числа у памятника Петру I, основателя города, было шествие с флагами всех диаспор, которые присутствуют в городе. В этом году была такая программа, что Таганрог – это многонациональный город и все вместе дружат. Мы тоже несли свой флаг. Все были в национальных костюмах, на таганрогских сайтах есть фото. Дальше, второй день 11 сентября, в парке проводился большой концерт, накрывали столы... Мы готовили все национальные блюда, которые смогли приготовить, выбирали салфетки и стаканчики под цвет флага. Выступали на сцене с танцевальным номером, с песней, и КВН у нас был. Вот потихонечку, по крупицам мы собрали всю нашу организацию» [Таганрог, 22 года, жен.].

Ко времени проведения интервью «Армяне Таганрога» уже приобрели устойчивую репутацию «дельных ребят». Об их существовании знали не только в сети, но и за ее пределами. При этом численный состав организации не превышал 10–15 чел.: «Самые активные, наверно, мы с девушкой, с которой Вы уже беседовали. Еще с нами моя близкая подруга и еще человек 5. Когда мы решаем важные вопросы, обсуждаем, что и как делать, то включается еще человек 10, которые нам помогают, активно как-то участвуют. Вот, а так у нас в социальных сетях еще несколько групп, есть официальные странички и группа в «Одноклассниках». Подписчиков очень много, которые пишут о том, что, “если будете что-то организовывать, пишите”, т.е. желающих очень много. Организация все больше расширяется и с каждым мероприятием нас все больше и больше» [Таганрог, 18 лет, жен.].

В оценках понимания окружающими их «подвижнической» деятельности наши респонденты несколько разошлись. Одна из них уверила нас в поддержке и сочувствии к начинаниям организации со стороны сверстников, вскользь упомянув о настороженной реакции администрации учреждения, где она учится, к обсуждавшейся возможности проведения на его территории минуты памяти жертв геноцида. Другая сразу же отметила «немножко негативную реакцию родителей», которые «боятся, наверно, немного. Боятся каких-то националистических реакций, националистического ответа какого-то... Я нахожу общий язык, объясняю, что и почему. С одной стороны, боятся, но видя

результаты, очень даже рады, особенно, когда мы выступали на Дне города. Не совсем чтобы категорично, просто есть какая-то опаска. Есть внутри что-то, что заставляет волноваться. Все-таки живем не в своей стране, мало ли какие люди и как отнесутся, как родители просто переживают» [Таганрог, 18 лет, жен.]. Сами собеседницы единодушно признали атмосферу межэтнического взаимодействия в городе бесконфликтной и располагающей к общению. Наглядным подтверждением чему, по их мнению, является существование «Армян Таганрога», деятельность которых вызывает «живой отклик и неподдельный интерес у молодежи разной национальности нашего города» [Таганрог, 22 года, жен.]. Хотя этот интерес не всегда продиктован мотивами этнического свойства и зачастую связан с возможностью «хоть как-то с интересом провести свободное время в городе». На вопрос о том, какое количество людей приходит на мероприятия не для того, чтобы приобщаться к далекой родине, а просто хорошо провести время, наша собеседница с сожалением ответила: «Да многие конечно, я думаю, что такое в любой организации есть, что многие приходят исключительно ради интереса, а многие от нечего делать, просто посмотреть. А это, безусловно, есть, но я Вам скажу, что с каждым разом число тех, кто интересуется, становится все больше» [Таганрог, 18 лет, жен.].

По признанию вдохновителей молодежного объединения с явно выраженной этнической спецификой никто из них (по крайней мере, в ближайшей перспективе) не собирается связывать свою дальнейшую судьбу с исторической родиной – Арменией: «Я вот в следующем году окончу университет, съезжу туда, потом приму решение. Ну, скорее всего, здесь останусь, потому что я со своим дипломом не смогу там работать... Нет, дело не в этом (хороший или плохой диплом. – Авторы), просто для того, что бы адаптироваться в терминологии, с языком проблемы. И там проблема работу найти даже тем, кто там заканчивал ту же специальность, что и у меня, экономическая ситуация не очень хорошая» [Таганрог, 22 года, жен.]. Подавляющее большинство респондентов в данной связи мотивировали свое «нежелание» вернуться или просто уехать на родину не столько «плохой экономической ситуацией», сколько сложившимися жизненными обстоятельствами и неизбежным разрывом культурной общности: «Всю жизнь тут живу, с института. Я уже больше русская, тех армян, из Армении, не понимаю» [Шахты, 46 лет, жен.]. Между тем, стремление к ее обретению и выбранная для реализации поставленной цели стратегия свидетельствуют о том, что наряду с желанием «остаться армянами» у организаторов «Армян Таганрога» присутствовали и ярко выраженные потребности в формировании и упорядочении собственной досуговой деятельности. В ходе беседы, активно обсуждая вопросы о том, что лично каждой из них дает участие в деятельности созданной с таким трудом организации, мы получили предельно искренние ответы: «Вот мне это очень нравится. Это личное удовлетворение, общение со своими земляками, и очень много новых

друзей я приобрела среди них» [Таганрог, 22 года, жен.]. «В деле собрания организации... личное только то, чтобы добиться какого-то взаимопонимания, взаимоуважения, чтобы поколение не забывало, кто они такие, откуда, то есть это как бы главная цель. Ну и, конечно же, когда вокруг себя собираешь людей, проводишь мероприятия, связанные с твоим народом, как-то становится теплее» [Таганрог, 18 лет, жен.]. В то же время, пытаясь выяснить, почему для самореализации был выбран именно такой, этнически окрашенный проект, обе собеседницы признались, что «не читать стихов, ни организовывать тургруппы для поездок за границу просто не умеют». В данном случае личные устремления «быть полезными и что-то сделать» нашли свое органическое воплощение в форме молодежной общественной организации с этническим брендом, позволяющим совместить интерес к своей культурной самобытности с современными досуговыми практиками. «Армяне Таганрога» оказались удачным проектом воплощения, казалось бы, уже недостижимой для нас идеи гражданской нации.

А.Р. Царикаева, А.Т. Царикаев

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НЭПОВСКОГО ВЛАДИКАВКАЗА

Армянская община – самая первая и крупная в этнической структуре Владикавказа. История армянской общины Владикавказа насчитывает столько же десятилетий, сколько и сам город. Первые армяне – купцы и мастеровые – пришли сюда сразу, как только на Тереке в первой половине XIX в. возникла крепость, поставленная на южных рубежах огромной империи для надежной охраны Военно-Грузинской дороги. В новой крепости селились не только русские офицеры, осетины из близлежащих сел, были среди первых жителей Владикавказа и армяне, которых к 1897 г. насчитывалось 2043 чел. [1].

Первое упоминание о желании армянской общины иметь во Владикавказе церковь относится к 1839 г. В 1843 г. была построена и освящена небольшая деревянная армяно-григорианская церковь (Сурб Григор Лусаворич), которая просуществовала более двадцати лет. Численность армянского населения быстро росла в связи с большим наплывом переселенцев из Армении и, частично, из Турции, и маленькая церковь не могла, особенно во время праздничных служб, вместить всех желающих. В архивных документах самые ранние сведения о строительстве армянской церкви во имя св. Георгия во Владикавказе датированы 1862 г. Астраханская армяно-григорианская конси-